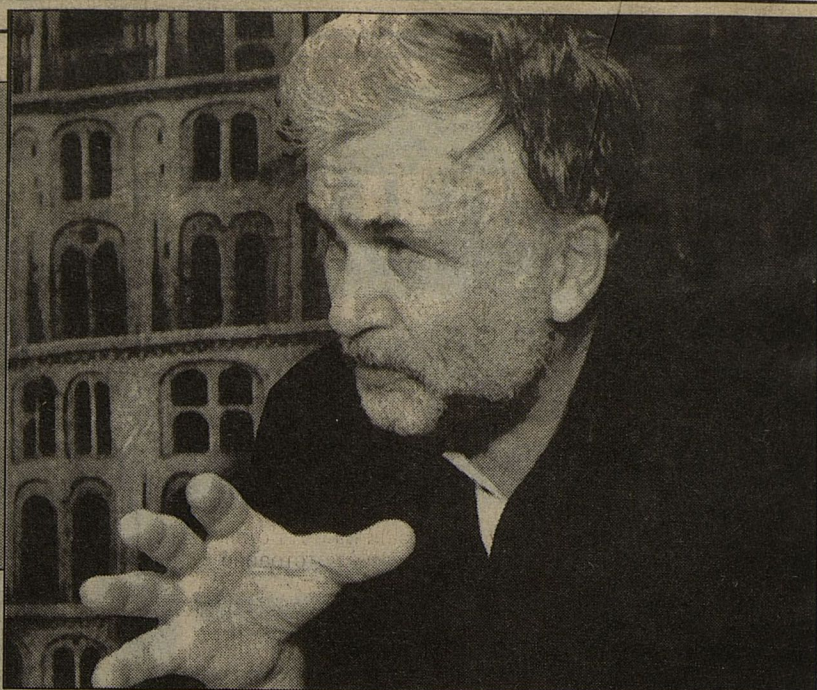

Еще совсем недавно имя Любомира Левчева было у нас хорошо известно не только в узколитературных кругах. Один из самых ярких болгарских "шестидесятников", никогда не скрывавший, что он "равняется" на Евтушенко, Вознесенского и Рождественского (болгарам было положено равняться на кого-то из советских), он много печатался в наших газетах и журналах, здесь выходили сборники его стихов. Что мы знаем теперь, как сложилась его судьба?

Любомир ЛЕВЧЕВ:

“Извините, что жив”

Лит. газета. - 1998. - 26 авг. - с. 3

У МОЕГО друга Любомира она оказалась и счастливой, и драматичной. Счастливой – потому что он писал то, во что верил, и публиковал то, что хотел, ездил по всему свету, встречался со множеством интересных людей, всегда был полон оптимизма и лучезарных надежд. Драматичной – потому что все это оказалось возможным благодаря лукавейшей тактике Тодора Живкова: любое диссидентство, даже намеки на него он подавлял в зародыше. Не дурацкими гонениями брежневско-андроповского образца, а монаршей лаской и своим высоким “доверием”. Так молодой бунтарь Любомир Левчев очень быстро оказался не в изгоях, а во главе Союза болгарских писателей и – хочешь не хочешь – проводил на этом посту ту линию, которая ему была предначертана. Ни своих друзей, ни свои ориентиры, интересы и взгляды он не сменил и, в сущности, долгие годы жил двойной жизнью, что много раз ставило его в весьма двусмысленное положение.

Обо всем этом, и не только об этом, Любомир рассказал в своей новой, недавно вышедшей исповедально-мемуарной книге с беспощадно жестким названием “Ты – следующий”. В нем и ответ на слишком прямолинейные, глумливые упреки болгарских коллег, и предупреждение тем, кто вздумал бы повторить его ошибки. И то, что вполне очевидно – Любомир остался самим собой, выдержал нравственное испытание на прочность.

Отношение Любомира к советским друзьям, а особенно к “Литературной газете”, всегда выходило за рамки “обычного” приятельства. Оно было восторженным и страстным. И в этом не было никакой позы: здесь и в этом кругу он чувствовал себя лучше, комфортнее, надежнее, чем дома. Поднимался, притом с

“В обстановке постоянных интриг и конфликтов становилось порой невыносимо. Мой отъезд в Москву в конце года походил на паническое бегство. Я воспользовался приглашением Всемирного совета мира, в который невесть кем и когда был “избран”. Но на аэродроме меня встречали друзья из “Литературной газеты” и объявили, что я их гость. Их, а не кого-то еще. Они не могли забыть проведенное годом раньше в Болгарии дни “Литературной газеты”, так блестяще прошедшие, несмотря на то, что по силлогизмам застой начала надо было бы провести дни “Правды”.

В Москве меня ждали Аркадий Ваксберг, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Роберт Рождественский, Володя Соколов... Каким образом мне удалось заиметь столько друзей?! Сегодня меня не покидает странное чувство, что тогдашняя Москва, или то, что мы называли Москвой, были люди – не город. Именно их духовное величие превращало неуютное скопление улиц и площадей в интимное торжество.

А в издательстве “Молодая гвардия” меня ожидала самая приятная новость – книга моих стихов уже была сдана в набор. Возглавлял издательство Валерий Ганичев, стройный светловолосый русофил. Деловой мечтатель. Вокруг него роились молодые националисты, о которых уже шла речь. Может быть, ухватившись за иллюзорно блестящий имперский идеал, они сопротивлялись таким образом серому советскому безличию? Но главным объектом их конфронтации была, однако, западная цивилизация.

Именно люди этого круга перевели мою книгу и выпускали ее в издательстве, которое считали своим. Я не хотел быть неблагодарным другом. Но корректность повелевала мне сказать им, что мы не одного пола ягоды. Попросил Ганичева о двух вещах: чтобы предисловие написал Вознесенский,

ва, дочь главы государства, один из самых загадочных персонажей болгарской истории двадцатого века. Став членом политбюро, министром культуры, она вызвала к себе антипатию и со стороны узколобых ортодоксальных марксистов, которые не могли ни понять, ни принять ее ярко выраженный индуизм и почтительное отношение к западной культуре, и со стороны многих людей совсем иного круга, которым претили партийно-династические тенденции, тем более выраженные в столь назойливо демонстративной форме. Любомир, один из самых близких к ней людей, союзник и конфиденс, не предавший ее память, не отказавшийся от своей дружбы тех лет теперь, когда это может обернуться дубиной в руках его недругов, посвятил отношениям с ней и самой Людмиле немало драматичных страниц мемуарного романа.

К сожалению, рассказав о многих тайнах вокруг “дела Людмилы”, внезапно ушедшей из жизни в расцвете лет, Левчев ставит больше вопросов, чем дает ответов. Хотя бы в качестве версий...

“Людмила была потрясена открывавшейся ей все более и более картиной озлобления и даже озверения людей, притом и в близком своем окружении. Эти люди и формировали отношение к ней в верхах. Главное обвинение против Людмилы звучало так: попытка оторвать Болгарию от социалистического сообщества. А она просто считала, что ни СССР, ни США не являются великими силами. Истинное величие она видела в потенциальной творческой энергии, которая дремлет, не будучи раскрытой, в каждой личности, и значит – в нации. Это было, конечно, чистой утопией. Во время посещения Мексики с ней случился тяжелый припадок. Там, как утверждает ее телохранитель Мурджев, ее лечил какой-то анонимный советский врач (?). (Оба знака поставлены автором. – А. В.) Ее внезапная смерть (уже по возвращении в Болгарию) была и смертью моих социальных иллюзий. Почему ее оставили одну в таком состоянии? Лечил ли ее кто-нибудь на самом деле, а если лечил, то почему молчит? Почему врачи, получив сигнал о постигшем ее ударе, прибыли с таким огромным опозданием – к члену политбюро и дочери Первого человека? Почему у реанимации правительственной больницы по дороге лопнула ишина? Почему свидетельства очевидцев не совпадают с эпикризом? Фальсифицированы даже дата и час смерти...”

У меня нет своей версии смерти Людмилы. Я лишь сопоставляю факты, которым доверяю.

От того, что известно, можно сделать вывод:

Людмила покончила с собой. (Готов принять свидетельство того же Мурджева.) Но если это и так, то каковы причины? Не была ли она вынуждена принять такое решение? Сократ и Сенека – самоубийцы или приговоренные?! Один факт остался занозой в моем сознании. Как утверждала ее горничная, бирюзовый перстень Людмилы, с которым она не расставалась, совсем побелел незадолго до ее смерти. Я привел это свидетельство в своем эссе памяти Людмилы, опубликованном много лет назад. Все сделали вид, что этот пассаж не замечают. А свойства бирюзы достаточно хорошо известны: он бледнеет, когда его хозяин начинает поглощать отраву. Эта его способность предсказывать смерть была описана еще Орфеем в “Литике”. А когда я спросил Вангу, почему она не предупредила нас (Людмила и я, мы оба были дружны с ней) о предстоящей трагедии, та ответила: “Верь мне, Любо, ей не была написана смерть”. Кто мне объяснит, почему бирюза знала больше, чем Ванга, и никто из близких не обратил на это никакого внимания?”

Еще множество отрывков из этой почти 500-страничной книги может заинтриговать читателя и открыть ему сложный, подчас противоречивый духовный мир поэта и его непростую, возможно, уязвимую для жаждущих свести счеты судьбу. Но есть один вопрос, которого Любомир, разумеется, не касается, но который тем не менее существует.

В былые, не очень давние, времена десятки наших литераторов, чей талант он чтит и дружкой с которыми гордился, пользовались бескорыстным радушием Левчева, той щедростью, с которой он безотказно принимал их в роскошных условиях болгарского Черноморья. Они и понятия не имели, каких усилий ему это стоит, как приходится ему оправдываться перед разными партдядями и парттетями, обвинявшими его в самовольстве, в присвоении власти и в совсем не подходящем подборе гостей.

Времена круто поменялись. Болгария уже не вожделенный рай для культурной элиты, Канары и Лазурный берег привлекающей и ничуть не менее доступней, чем Золотые пески, а Давос и Тироль намного престижнее Витоши. Любомир уже давным-давно не председатель Союза писателей, прежних (да и вообще никаких) возможностей у него нет, дом у Докторского сада опустел, в нем редко звучит русская речь, а может быть, и совсем не звучит.

Но он чудно обид и злопыхатель, он знает, что его назначение – ни о чем не жалеть, а работать. И он работает. И эпиграфом к последней главе своей мемуарной книги слова еще одного моего русского друга – Володи Высоцкого: “Извините, что жив”.

Аркадий ВАКСБЕРГ

Любомир Левчев и Роберт Рождественский. Москва. 1985 год

Фото Александра КАРЗАНОВА

полным к тому основанием, в своих же глазах. Это он придумал и осуществил замечательные праздники “ЛГ” в Болгарии, прошедшие несколько раз и неизменно становившиеся не литературным – общенациональным событием. Они приносили в духовно зажатую страну воздух полулегального вольнолюбия – то самое, ради чего Левчев эти акции затевал.

Увы, и в Москве ему приходилось жить двойной жизнью, потому что и здесь, случалось, его видимость принималась за сущность. Об этом – два отрывка из книги.

“В Софии прошло очередное заседание болгаро-советского клуба молодой художественно-творческой интеллигенции. Василий Белов и Валентин Распутин, Лариса Васильева, князь Резо Амашукели, будущий председатель одного из союзов русских писателей Валерий Ганичев и будущий министр культуры Евгений Сидоров были среди участников этой игры, организованной комсомолом.

По первоначальному замыслу моделью для клуба должны были стать литературные вечера, дискуссии и творческие встречи, состоявшиеся во время первого приезда в Болгарию Евгения Евтушенко. Но, к моему удивлению, я застал в работающем без моего участия клубе атмосферу, которая не только ничем не напоминала Евтушенко, но более того: там никто не скрывал своей неприязни и к нему, и к Андрею Вознесенскому, Роберту Рождественскому или Булату Окуджаве. Так что “новые дружеские контакты” оказались весьма проблематичными. Советская часть клуба представляла собой замкнутый круг воскресших славянофилов. Петя Палиевский, Вадим Кожин, Дмитрий Урнов – все это были высокоинтеллигентные, блестяще образованные молодые литераторы, для которых пророком был поэт Василий Федоров, а Болгария – Меккой православия. Они возлагали венок к памятнику Царю Освободителю, осеняли себя крестным знаменем, заведя здание, был к тому же поклонником Рериха и Блаватской, что ни ему, ни другим не мешало с нескрываемым восторгом говорить о Сталине и поновить XX съезд. Но этих людей почему-то никто не считал диссидентами, оппозиционерами, идейными врагами. Напротив, к моему удивлению, ВЛКСМ смотрел на них даже с удивлением”.

а иллюстрации сделал Эрнст Неизвестный. Валерий Николаевич выслушал меня с кислой улыбкой. Андрея принял сразу. О Неизвестном обещал подумать. Потом, не спрашивая меня, набрал номер телефона и устроил мне встречу в ателье Ильи Глазунова. А книга вышла с иллюстрациями Георгия Пондонуло”.

Не знаю, кто именно придумал проводить регулярно в Софии международные писательские встречи. Был ли Любомир их инициатором или успешным исполнителем тайной воли? Вряд ли это так уж важно сегодня. Финансовым донором была, естественно, Москва в лице своих явных и тайных служб, а собрал на эти встречи цвет мировой литературы именно Любомир. Убежден: даже имея миллионы, мало кому другому это удалось бы. То, что почти никто не приехал бы тогда в Москву (конец семидесятых – начало восьмидесятых), – это вполне очевидно. Москва вызвала реакцию отторжения, София, хоть и была в упряжке с Москвой, позволяла чувствовать себя более раскованно. И уж, во всяком случае, никто не приехал бы (иные неоднократно) для дружеского разговора с Любомиром, если бы он не тянул к себе, как магнит, интеллект, талантом и артистизмом. Дискуссии проходили в официальных залах, а вечерами многие собирались у Любомира в его просторной квартире, окна которой глядят в тенистый Докторский сад. Дружеские разговоры затягивались до глубокой ночи. В разные годы я помню там Джона Чивера, Гора Видала, Уильяма Сарояна, Габриеля Гарсиа Маркеса, Камилло Хосе Селу, Эрве Базена, Луиджи Малербу, Хуана Гойтисоло, Рафаэля Альберти, Чарльза Сноу, Янниса Рикоса, Николаса Гильена, Имре Добози... Кого-то, наверно, забыл. А вот советских участников форума – Маркова, Михалкова, Турсун-заде и других – в ЭТОЙ компании не упом. Окуджава – был. Вознесенский – был. А они нет. И уже одним этим софийские встречи при всей своей политической ангажированности были не совсем тем (точнее – совсем не тем), какими они представлялись в секретных отчетах советским и болгарским партийно-чекистским службам.

Нередко участником этих интеллектуальных бдений была Людмила Живко-